

МОНИТОРИНГ ИНТЕГРАЦИИ ЭСТОНСКОГО ОБЩЕСТВА 2008

Краткий обзор

1. Общие тенденции

По сравнению с предыдущими мониторингами (2000, 2002, 2005), постепенно улучшились показатели, характеризующие структурную интеграцию общества - это касается знания эстонского языка, наличия эстонского гражданства у населения, а также некоторых социально-экономических показателей. В то же время ухудшились некоторые показатели, характеризующие настроения людей – например, снизилось доверие русскоязычной части населения Эстонскому государству и его учреждениям, сократилось количество тех русскоязычных респондентов, которые чувствуют себя частью народа Эстонии и др. Эстонцы по-прежнему сдержаны в привлечении русскоязычного населения в общественную сферу.

Анализ тенденции показывает, что, если отношение к вопросам интеграции до мониторинга 2005 года, становилось все более позитивным, то после этого произошел резкий спад. Это может объясняться политизацией национальных проблем в последние годы, что и послужило усилению антиинтеграционных настроений – это заметно не в рамках развития общества в целом, а, прежде всего, в рамках требований и ожиданий, предъявляемых другой стороне. Данный мониторинг подтверждает, что для эстонцев на первом плане, по-прежнему остаются требования к знанию языка и тема гражданства, в то время как русскоязычное население отдает предпочтение социальным целям и опасается ассимиляции. Из этого, в свою очередь, вытекают разночтения в понимании равного обращения, взаимной толерантности, при оценке мотивов и целей другой стороны и др. такая поляризация общества указывает на уменьшение возможностей государства повлиять на существенную интеграцию русскоязычного населения .

2. Материальное положение и удовлетворенность жизнью эстони- и русскоязычного населения

Различия в доходах эстонцев и русскоязычного населения с течением времени несколько сократились. Главной причиной существующего различия в доходах является значительно меньшее количество представителей русскоязычного населения с высшим образованием в группах с наивысшими доходами, что указывает на то, что для них ограничен доступ к наиболее хорошо оплачиваемым должностям.

Оценка гражданами Эстонии своих материальных возможностей примерно одинакова, независимо от национальной принадлежности; она значительно отличается от оценки жителей, не имеющих гражданства Эстонии. Одновременно, разные национальности по-разному оценивают возможности эстонцев и русскоязычного населения, что указывает на этническую солидарность внутри самих национальных групп.

3. Образование

Переход высшей школы на преподавание на эстонском языке, в значительной мере оказался образовательным тупиком для русскоязычной общеобразовательной школы, поскольку это ограничивает возможности выбора для выпускников русскоязычных гимназий и средних школ. Это касается, в первую очередь тех представителей русскоязычной молодежи, которые не владеют эстонским языком в степени, необходимой для продолжения обучения в высшей школе на эстонском языке.

Представители русскоязычной общины признают, что при переходе на частичное преподавание предметов на эстонском языке, наряду с преимуществами, существуют и некоторые риски (ассимиляция, ухудшение результатов экзаменов учащихся русских школ и,

как следствие, неравенство возможностей для дальнейшего обучения, по сравнению с учащимися эстонских школ, эмиграция русской молодежи). Также признается, что переход на преподавание на эстонском языке должен производиться значительно раньше (скорее, уже в детском саду или в начальной школе). Единодушно высказывается мнение в пользу эстоноязычных детских садов, где все дети могли бы быть вместе, но чтобы для детей других национальностей был помощник воспитателя, владеющий их родным языком. Это значит, что русскоязычное население не относится негативно к обучению на эстонском языке. Их опасения и страхи вызваны, скорее плохо подготовленным переходом на обучение на эстонском языке.

4. Знание языка

За последние 20 лет знание эстонского языка представителями русскоязычной общины постепенно улучшалось и стало более разнообразным с функциональной стороны – улучшились умения самовыражения, письма и чтения.

В данном случае необходимо выделить две тенденции - во-первых, интегративное изучение эстонского языка, пик которого пришелся на 2005 год, на сегодня значительно снизилось, т.е. изучение языка считается недостаточным для достижения взаимного доверия и равного положения с эстонцами (соответственно 38% и 23% респондентов согласны, что это повышает доверие и помогает достижению равного положения). С другой стороны, сохранилось и усилилось утилитарное значение изучения эстонского языка – эстонский язык нужен для получения-сохранения (хорошего) места работы.

В этой связи, в интеграционной политике также следует подчеркивать, скорее, инструментальные ценности изучения эстонского языка (лучшие возможности для работы и образования), а в интеграционном процессе в целом, следует уделять больше внимания социально-экономической интеграции.

5. Межнациональное общение и отношения

Контакты между эстонцами и русскоязычными представителями населения относительно ограничены, среди эстонцев третья часть имеет более частые случайные контакты с русскоязычным населением и почти половина русскоязычных имеет опыт повседневного общения с эстонцами. Межнациональное общение существует преимущественно в трудовой сфере, общение в нерабочее время существует в кругу своей национальности.

В отношении к другой национальной группе, измеренном готовностью разделить персональное помещение с представителями других национальностей, бросается в глаза более отрицательное отношение эстонцев. Среди представителей эстоно- и русскоязычного населения такое отношение неприятия более характерно для молодых возрастных групп, а также для таллиннцев. Существует связь между частотой личных контактов и отношением: общение более позитивно среди тех, кто поддерживает более тесные контакты с представителями другой национальности, это особенно характерно для эстонцев.

Различные национальные группы по-разному воспринимают национальные отношения – только 1/3 эстонцев считает, что местные русскоязычные преданны Эстонскому государству и поддерживают его развитие, большинство же русскоязычных респондентов (80%) считают свою группу преданной Эстонскому государству. Если большинство русскоязычных жителей продолжают считать, что интеграция в эстонском обществе требует также готовности и усилий эстонцев, то среди эстонцев число сторонников такой позиции сократилось почти на 20% за последние восемь лет (с 80% до 61%). Различия в образе жизни эстонцев и русскоязычных по мнению эстонцев уменьшились (в 2000 году их было 61%, в 2008 году – 49%), по мнению русскоязычных респондентов – увеличились (42% - 57%).

Анализ настроений, связанных с национальными отношениями, подтверждает, что основными целевыми группами интеграционной политики должны быть русскоязычная молодежь, лица без гражданства и жители Таллинна. Для эстонцев важным шагом могла бы стать информированность о необходимости и возможностях активного участия в процессе интеграции.

6. Информированность и использование СМИ

Слабое ориентирование в том, что происходит дома, в Эстонии, а также в мире, отмечают, в первую очередь, малообразованные русскоязычные респонденты и лица с низким статусом, среди которых много таких, кто не следит за СМИ на эстонском языке и для которых печатное слово не играет особой роли для повышения информированности. Здесь многое можно сделать с помощью русскоязычного телеканала. Русскоязычный канал также имеет большое значение для улучшения возможностей получения практической информации, необходимой для повседневной жизни. Свыше 70% русскоязычного населения поддерживают необходимость создания такого канала, большинство эстонцев также относятся к этому с пониманием.

7. Гражданство

С 2000 по 2008 год произошли значительные изменения в предпочтениях выбора гражданства. Если, начиная с 2000 года, наблюдалась тенденция предпочтения в отношении гражданства Эстонии, достигшая высшего уровня в 2005 году (74%), то в 2008 году получить гражданство Эстонии желала лишь половина неграждан (51%). Если в 2000 году не хотело получать гражданство 16% неграждан, а в 2005 году их число сократилось до 7%, то в 2008 году их число вновь возросло до 16%. Если в 2000 году получить гражданство России желало 5%, а в 2005 году – 11%, то в 2008 году уже 19% лиц без гражданства хотели стать гражданами России.

Отношение эстонцев к увеличению количества граждан также изменилось с течением времени. Если в 2000 году 18% эстонцев не соглашались с предоставлением гражданства в упрощенном порядке ни для одной целевой группы, то в 2008 году доля таких респондентов составила лишь 8%. 46% эстонцев согласны с предоставлением гражданства Эстонии родившимся здесь лицам в упрощенном порядке.

Анализ показывает, что разделение русскоязычного населения на граждан Эстонии, лиц без гражданства и граждан России (и других государств) отражает, прежде всего, различную степень их адаптации и различные стратегии жизни в эстонском обществе. Эстонское гражданство получили более активные по своему характеру и легко адаптирующиеся лица. Поэтому Закон о гражданстве Эстонии действует, в определенном смысле, как усилитель «естественного выбора», предоставляя более энергичным еще больше возможностей и создает препятствия для тех, в характере которых нет особо сильных качеств.

Усиливающаяся позиция на рынке труда образованных представителей русскоязычной общины, имеющих гражданство Эстонии, их высокая самооценка, повышают их обоснованные надежды на более активное участие в жизни эстонского общества. Невыполнение таких надежд усиливает недоверие и идентитет протеста, распространенные среди русскоязычного населения в целом.

8. Чувство причастности и государственный идентитет

Большим потенциалом для создания чувства причастности обладает формирование местного идентитета, объединяющего эстонцев русскоязычную часть населения. Хорошей перспективой могло бы стать и создание государственного идентитета на местной почве. Государственный идентитет русскоязычного населения в значительной степени подвергнут

влиянию их этнического идентитета и исторической связи с Россией или другими частями бывшего СССР. Анализ подтверждает, что формирование сильного государственного идентитета национальных меньшинств предполагает не подавление их этнического идентитета, а их вовлечение в формирование единого государственного идентитета.